

ПЕРЕПОЛОХ В МАРШРУТКЕ

В свои 95 лет он продолжает жить по заведенному порядку. Подъем в 6.30. Гимнастика. Освежающий душ. Легкий завтрак. И без всяких скидок на погоду, самочувствие привычным маршрутом — на работу.

Только одну скидку позволил он сделать себе — теперь его с шиком на своем авто подвозит до работы сын Алеша. А пять лет назад не было у него никакого шика — привычный автобус или переволненная маршрутка. Именно тогда, в час пик, и стал я свидетелем переполоха, который затеял в нашей тугой набитой маршрутке щуплый паренек в очках. Он безбоязно потребовал от двух крутоплечих молодцов, освежающих себя баночным пивом, встать и уступить место Алексеичу.

— Чего? — удивленно отреагировал один из них. — Когда мы встанем, то ты упадешь.

— Ну, ладно, — миролюбиво хмыкнул другой, — пусть, что ли, в натуре, покажет нам его. Где ж этот твой Алексеич?

И тут все головы повернулись туда, на кого указал паренек в очках. И мы, внимательно приглядевшись, еще не веря своим глазам, признали в зажатом у двери седом пассажире того самого популярного телеведущего, который в

советские годы дружески заходил по субботам с телеэкрана в каждую городскую квартиру и деревенский дом.

Был Евгений Алексеевич Анцупов, как и тогда на телеэкране, при всем параде — свежевыбрит, в ладном костюме с галстуком и нисколько не походил на замученного жизнью пенсионера, которого уже нешибко заботила его прилюдная осанка. На простых житейских примерах убеждал нас когда-то Анцупов, что девять десятых нашего счастья зависят от здоровья и крепости тела. А это первейшее условие сохранения крепости духа. И заслуженный тренер РСФСР подтверждал это стараниями своих питомцев Воронежской специализированной детско-юношеской школы олимпийского резерва, теми рекордами, которых они достигли на региональных, всесоюзных и даже на мировых состязаниях.

В праздничные дни представлял наш телеведущий с орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом «Знак Почета», в серебре медалей и почетных нагрудных знаков, и то, о чем он так увлеченно рассказывал с экрана, естественно, связывалось в нашем зрительском воображении с этими наградами. Но о них, личностных победах в жизни, которые, наверняка, тоже много стоили, он и речи не заводил — тогдашняя телережиссура больше упирала на коллективистские начала.

Евгений Алексеевич Анцупов с будущими чемпионами

А тот переполох в нашей маршрутке закончился тем, что чуть ли не все сидящие пассажиры привстали со своих мест, наперебой приглашая Алексеича занять любое из них. Крутые же парни, упратав баночное пиво, не только рукоожатно помирились с храбрецким очкариком, но и солидарно возжелали проводить Алексеича до самого места его работы. И он ответил им дружески, что так, гуляючи, к ним на Олимп не заглядывают. Открывает он глаза тем, кто хочет подучиться грамоте успеха, приоровиться всегда держать себя в надлежащей форме.

«ПЕРЕМОГНИСЬ!»

Мог ли я, тогдашний сотрудник одной из местных газет, оставить без внимания этот адрес? Но мой редактор сказал, что вертежными буднями Олимпа читателя особо не проймешь. Незачем повторяться, что стараниями Анцупова более полувека назад зародилась воронежская акробатика, что за это время вышло из его резерва 303 мастера спорта и 400 кандидатов в мастера. Но еще для всех большущий секрет, как самому ветерану спортивного труда удается сегодня при своих почтенных годах находить в себе силы добросовестно слу-

жить Отечеству, даже невзирая на каждодневную маяту в переполненных маршрутках?

С этого «большущего секрета», в котором ничего не оказалось секретного, и завязалось мое знакомство с внеэкранным Алексеичем. «Ждут меня ребятки — вот и езжу, — просто ответил он газете. А что стояло за этим «вот и езжу», рассказал мне Алексеич потом, при новых удивительных встречах, которые никак не укладывались в привычный газетный формат. Засиживались мы с ним допоздна среди победных кубков, призов, вымпелов, собранных в музее юных олимпийцев, и я, слушая его создателя, думал о том, что, чем человек умнее и добree, тем больше замечает он в людях необыкновенного, доброго.

Подвижники — это люди иного охвата, иного отсчета времени. При богатстве своего опыта, умудрении, взятых в академии жизни, смотрят они на мир испытливо, нескучливо, потому что скуча, спокой вчуже их сердцу, самознанию. Им надо крепко спешить, отверзать, потому что впереди цель, корень дела — примениться к сотворению вокруг себя пространства, измеряемого этим самым добром.

— Поверь, — признался он, — ни чуть не в тягость были тогда при моих

годах те крутые поездки в школу олимпийского резерва. Втиснулся в маршрутку, доехал без особых пробок и опозданий — вот тебе еще маленький подарок в жизни. Ну, вроде взятого акробатического сальто. Нет ведь ничего более важного в жизни человека, как режим действия, выдержки, терпения. Произвела вот теперь меня Россия в «генералы спорта». Официально признан Народным тренером страны. Но вот, откроюсь, в нашей деревне, на Орловщине, восемьдесят с лишним годков назад трехклассник Женька Анцупов был отчислен от занятий... физкультурой.

Случилось ехать мне на телеге с батей. Ну, и расшалился, угодил правой рукой под спицу колеса. Кривовато потом срослась кость. Не мог с дружками на равных сыграть ни в городки, ни в лапту, ни в свайку. Было море слез. И спросил меня тогда батя напрямки — мужик я или мокрая курица? Не пристало нам, Анцуповым, сидеть в закутке и плакаться. Никогда не ходили они по деревне в последних. Перемогнись, Женька!

И стал я после такого мужского разговора не сидеть в закутке. Через «не могу», на диво всем заставил себя вертеться на самодельном турнике, по-акробатски вскарабкиваться на телеграфный столб и даже играючи ходить на руках по лугу. Рука, конечно, не выпрямилась. Но силу и ловкость набрала завидную — не отличить от здоровой.

На службу в армию в 1940 году меня без вопросов взяли. Там и развернул по-серезному свою подготовку. По части бега, подтягивания на турнике, преодоления всякого рода сложных препятствий сделался в нашем 245-м гаубичном артполку Западного особого военного округа одним из первых.

ПРО ОЧЕНЬ ДОРОГОЙ МОБИЛЬНИК

Как запомнился первый день войны? Страшно подумать — семьдесят пять лет минуло, как встала дыбом земля у нашей казармы. А все досель дымом и

огнем отрыгается. В то воскресенье, 22 июня, после массированной немецкой бомбёжки осталась в нашем артполку половина боесостава. Но держали мы свою позицию у границы с Польшей еще сутки. И когда уж нечем было заряжать орудия и стало известно, что полк отсечен гудериановскими танками от основных наших формирований, поступил приказ — выходить из окружения.

Посбивали мы замки с уцелевших орудий, чтобы немцам не воспользоваться, захоронили погибших — и мелкими группами через перелески, овраги, болотные топи — туда, где солнышко встаёт.

Связи, понятно, никакой. И было для нас, окруженцев, то солнышко наиглавнейшим ориентиром в той аховой обстановке.

Преподают сегодня историю моим олимпийцам в общеобразовательной школе. Но эта история, на мой солдатский взгляд, многое не доказывает о Великой Отечественной войне. И «боги войны» — артиллерия, и авиация, и танки с пехотой, и тогдашние англо-американские поставки нам вооружения, продовольствия по ленд-лизу — вся эта мощь не ускорила бы победу, если бы победа нашего воина над самим собой. Это, прежде всего, вера в себя, душевный настрой все вынести ради этой победы.

Вот такой разговор зашел у меня как-то с моими олимпийцами перед нашим великим праздником. Подкинула мне одна девчушка вопросец насчет потери связи при нашем выходе из окружения. Как это, мол, так? Неужели, Евгений Алексеевич, ни у кого из вашей боевой группы не нашлось тогда хоть плохонького мобильника?

«Представляешь, — говорю, — Олењка, не нашлось! Не придумали его еще ученыe. Другой, очень дорогой «мобильник» связывал нас тогда. Это — дух, такой порядок действий в чрезвычайной обстановке, когда один — за всех и все — за одного. Не будь такого «мобилиса» (подвижный, по-латыни) — несдобровать бы нам. А мы всем смертям назло схва-

тывались с немцами и в рукопашной, и из засады, дополняя свой боезапас, и прибирались дальше».

Как старший сержант, был я в нашей группе за ведомого. Так что приходилось крепенько думать и о пропитании. Как самого быстроногого изо всех сам частенько посыпал себя в разведку, и случался у нас преображеный праздник, когда удавалось воротиться из какой-нибудь деревеньки с коврижкой хлеба или шматком сала.

А однажды (это уже шел второй месяц войны) принес я немецкую листовку, что была сброшена с самолета. В верхней части листа — фото человека в красноармейском обмундировании. Но без знаков различия. Текст, помнится, такой: мол, посмотрите, кто это. Это командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка Западного особого военного округа Яков Джугашвили — сын Сталина. Вот какие люди нам сдаются! Уже сдались германским вооруженным силам Минск, Витебск, на подходе Смоленск. А вы, дураки, все воюете. А в конце листовки — призыв к сдаче в плен вместе с жирно напечатанным пропуском. Мол, предъявитель сего оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону германских вооруженных сил. Немецкие солдаты и офицеры окажут перешедшему хороший прием, сытно накормят и устроят на работу.

Перечитав эту листовку, мы поняли, что разбитым оказался и тот самый гаубичный артополк, где, по нашим армейским слухам, служил сын товарища Сталина. Поняли мы и то, что так просто Яков Иосифович не сдался немцам. И надо нам, окруженцам, еще круче пробиваться к своим. В общем, к осенним холодам пересекли мы, наконец, линию фронта, не потеряв, самое главное, ни одного бойца.

Приходится мне иногда на моих сегодняшних занятиях с олимпийцами вспоминать про все это. Должен, говорю, ребятки, и теперь исправно работать этот самый «мобилис», который, соединяя и умы, и силы, всегда помогает на-

ходить лучшее решение. Так что, говорю, совсем «неприкольно», выражаясь по-вашему, кое-кому из вас замыкаться на компьютере или только на себе. Порядок в человеческих отношениях, рука товарища, друга — есть высшее проявление и ума, и силы. Только вместе, в согласии научитесь вы выдавать в нашей олимпийской школе такие сальто-мортале, что хоть кино про вас снимай.

НАИЛУЧШЕЕ ЗАНЯТИЕ НА ЗЕМЛЕ

Как дальше распорядилась им судьба, мой рассказчик вспоминал уже не потирая от волнения ослепительно белые от седины виски. Старший сержант Анцупов, по оценке тогдашних всезнающих органов, сумевший удачно вывести группу своих однополчан из окружения, спортивно закаленный, идеально выдержаный, был вполне пригоден для выполнения особо важного задания — нести охранную службу советского посольства в нейтральной Швеции.

— Приставили меня к самому послу — знаменитой Александре Михайловне Коллонтай. — При этом воспоминании у Алексеича потеплели глаза. — Ну, вроде ее телохранителем сделался. Да, железного характера была женщина. В революциях, в борьбе вся ее молодость прошла. Но эта борьба не отвлекла ее от самого главного — любви к детям. Украшали ее посольский кабинет не только портреты Ленина и Сталина, но и цветная репродукция, похоже, из журнала «Огонек» с изображением деревенской девочки в обтяжном сарафанчике. Стояла она на лугу средь ромашек, и ромашковый венок на ее голове делал ее феей из сказки Андерсена.

Именно так, хорошо помню, назвала ту журнальную девочку Александра Михайловна, когда показывала мне расположение своего кабинета на втором этаже посольского особняка.

Своих детей, как позже я вычитал, у Коллонтай не было. В бурные револю-

ционные годы она придерживалась радикального мнения, что любовь в свободном обществе превращается в рабство, если не обновляется. Имеет, мол, теперь право пролетариат быть свободным от вековых установок старорежимного домостроя. Но домострой, как его ни называй, это, опять же, культура человеческих отношений. Нет этой культуры — нет и порядка в жизни. Ну, и, конечно же, в любви. В советские времена, когда меня приглашали на телевидение, придумал я передачу: «Папа, мама, я — спортивная семья!» Почему — семья? Да потому что именно с семьи, с воспитания детей начинается этот порядок. И открылась мне эта великая правота, как ни удивительно, в той самой Швеции.

Раз под вечер сопровождал я нашего посла в королевский дворец на какой-то прием. На перекрестке наш лимузин остановился, пропуская молодую маму с ее пятью крохами. Вела она их презабавно — все дружно держались за цветастую веревочку, которая никому не позволяла отставать. Замечаю:бросила с себя Коллонтай всю свою посольскую официальность — так хорошо заслышала. Позже объяснила мне, что встретилась нам на пути вовсе не многодетная мама, а детоводительница учреждения, куда своих чад приводят работающие родители. И за этими детскими надлежит ей смотреть так, как бы она смотрела за собственными.

Детвору в той Швеции, несмотря на полыхающую кругом войну, прямо-таки баловали. Удивлял Стокгольм богатостью детских дворовых площадок с песочницами, грибками, лесенками и даже с гимнастическими стенками. А в столичном парке можно было сделаться всадником, бесплатно сев на пони или ослика и при этом заработать приз в виде пряника за свое умение держаться в седле молодцом. Или же, опять бесплатно, взять напрокат велосипед и кататься на особо отведенных парковых дорожках.

За свою историю, вдосталь навоевавшись, Швеция пришла к истине: наи-

лучшее занятие на Земле — это растить детей. В родном моем селе Русский Брод, на Орловщине, выражали это естество просто: весела изба ребятками.

КАРАПУЗ ДАРИТ ИДЕЮ

Сегодня, когда размениваешь десятый десяток лет своей жизни, все чаще приходится задумываться о подарках судьбы. Прежде всего, подарила мне судьба совет Александры Михайловны Коллонтай — не слишком задерживаясь в холостяках, когда службу свою отслужу. Счастлив, мол, тот, кто может погреться у домашнего очага, кто умным поучением своих детей делает их хорошими людьми, нужными для государства.

Совет этот я исполнил после нашей Великой Победы. Подарком судьбы стала мне моя Фаиночка, Фаина Федоровна, которую я встретил в Воронеже по окончании Московского института физической культуры. Дожили с ней до золотой свадьбы, вырастили сына и дочь. Алеша подарил мне внучку Танечку, которая в меня, в деда, пошла. Тоже гимнастка. Имеет звание чемпионки России и Европы. И как теперешний тренер воспитывает классных спортсменов. А дочь Людмила подарила внука Мишу. А тот и правнуков — Сережу с Данилом. Нашего, анцуповского, характера ребята — прямо скажу!

И как еще не отблагодарить судьбу за идею создания «Семейной акробатики», когда я преподавал физкультуру в Воронежском педуниверситете! Подарил мне эту идею карапуз, который попался мне на глаза на одной из тихих воронежских улочек. Силился он сбалансированно пройти по лежащему на дороге старому бревну. Но не удержался — упал. И пришлось мне прикладывать к его ушибленному колену лист лопуха, самому показать, как можно научиться удерживать устойчивое равновесие.

Так вот и родилась идея насчет «Семейной акробатики», которую я предложил Воронежскому телевидению. Через наглядную демонстрацию того, что дви-

жение есть главная кладовая жизни, взялся я в каждое субботнее утро общаться с телезрителями. Эта передача стала называться потом «Папа, мама, я — спортивная семья». На простых житейских примерах я старался убедить всех, как важно соорудить при наших дворах простейшие спортивные площадки, как в первый черед увлечь скучающих, без дела слоняющихся ребятишек всевозможными спортивными затеями.

И, не хвалясь, скажу: настрой на такой порядок дал результат, который был зафиксирован тогдашним облспорткомитетом. В разы увеличилось в Воронежской области число дворовых юношеских команд по футболу, волейболу, баскетболу. Заявили о себе конькобежцы, лыжники, любители забытых народных игр в городки, лапту, перетягивание каната. Я уж не говорю про ребятишек, которые стали накачивать себе мышцы, вертаясь на самодельных турниках!

СТОЙКА НА МИНИСТЕРСКОМ КОВРЕ

Как-то в одной из телепередач обмолвился я о том, что акробатика дома, на наших дворовых площадках — все это, конечно, задает здоровый ритм жизни. Но было бы еще лучше, если бы город обзавелся специальным тренировочным залом с батутами, трамплинами, качелями, другими современными атрибутами. На профессиональный, олимпийский уровень должен быть поставлен этот вид спорта, который своим примером вполне может увеличить число желающих встраиваться в себя физически, поднимать культуру бодрости, культуру оптимизма. Все мои телезрители были «за». Но спортивное начальство города вынесло тут свое резюме — на такой замах нет в казне средств. И тогда я сказал самому себе: перемогнись! Не видать тебе, Анцупов, Олимпа, если смиришься с этой резолюцией, если не дойдешь до самого главного спортивного начальства страны.

Приезжаю с таким настроем в Москву. Добиваюсь приема у первого замес-

тиеля председателя Госкомспорта СССР — министерства, по-теперешнему. И, представляешь, опять слышу то же самое — нет средств. Конечно, предвидел я и такой финиш. И что же — несолено хлебавши назад в Воронеж? Нет, принимаю решение: надо с этой высоченной инстанцией так распрощаться, чтобы не стало это прощание у нас последним! И делаю на этом министерском ковре свой любимый акробатический трюк — стойка вниз головой на обе вытянутые руки. И таким манером по ковровой дорожке демонстративно пошагал я на свой страх и риск на выход.

Как предвидел, вызвала моя стойка на верхах особый интерес. Запрос был сделан в Воронеж: нет ли, мол, каких-либо отклонений в здоровье прибывшего к нам ходока Анцупова? Москве ответили — какие могут быть отклонения у директора детско-юношеской школы олимпийского резерва? Здоров он, как Иван Поддубный, да и других учит по телевизору, как это здоровье держать в порядке. Словом, была дана обо мне, обо всех наших спортивных делах полнейшая характеристика. И уж после этого Москва подобрела — не отказала нам в финансовой помощи.

Вот этот Дворец спорта отгрохали мы хозяйственным, так сказать, артельным способом всего за каких-то два с половиной года. Родители моих учеников тут подключились. Артельно дефицитный стройматериал добывали. Строили. Шишек себе набивали в хлопотах. Я тогда как прораб на общественных началах почти десять кило своего веса потерял. Но ничего — перемогся, выдержал и эту стойку.

Проверочная комиссия из Москвы к нам прибыла под началом самого шефа управления массовых видов спорта при Госкомспорте СССР товарища Андронникова. Резюме комиссии было такое — подобного могучего сооружения площадью в 3,5 тысяч квадратных метров со всеми тренировочными залами по высшим требованиям современной акробатики еще не доводилось тогда ей видеть в российских регионах.

КАК ЗАЖИТЬ ПРИБЫЛЬНО

Стал Воронеж с 1983 года после тех московских смотрина слить у акробатов страны как бы их показательной столицей. Принимал наш спорткомплекс участников финала восьмой Спартакиады народов России. Принимал для тренировки сборные команды РСФСР и всего Советского Союза, которые готовились к соревнованиям на Кубок СССР и чемпионату мира 1984 года.

Короче говоря, повидал тогда Воронеж немало спортивных светил. Да и сам не сплоховал — выдал в 1980-х годах свое созвездие чемпионов. Вот их портреты в нашем музее! Некоторые из моих олимпийцев стали виртуозами цирковых арен. Наши акробаты, канатоходцы, жонглеры, эквилибристы показывают свои трюки не только в Москве, Петербурге, других крупных городах, но и за рубежом. Пишут мне, рассказывают о своих успехах под куполом цирка мои ребятишки из Берлина, Лондона, Вены, Праги, Сан-Франциско, интересуются, как идут дела на нашем воронежском Олимпе.

Ответы моим олимпийцам в середине 1990 годов, чего скрывать, были не очень-то радостными. Вроде чего обижаться мне на жизнь? Получил звание «Почетный гражданин Воронежа». К ордену Отечественной войны прибавился орден «Знак Почета». Еще две медали к своему праздничному пиджаку пришилил — «За активное участие в строительстве спортивных сооружений» — от Госспорткомитета и «За заслуги в развитии олимпийского движения в России» — от Российского олимпийского комитета. Ну, чем не именинник?

Но именинничать тогда мне было рановато. Пошла мода на «прихватизацию». Подъезжает как-то к нашему Олимпу на своем «Мерседесе» один шустряк. Отводит меня в сторонку и говорит: «Желаешь, дед, жить нескучно? Расклад такой — переводит твоя школа стрелку на рыночный формат. За спортивно-олимпийские услуги — и плата

соответственно. Забомби, дед, эту идею, где надо. Обязаны верхи к тебе прислушаться при твоем авторитете. Прибыльно заживешь!» Ну, я этому шустряку тоже «забомбил». Мне, говорю, и так жить нескучно. И стареть — недосуг. Я Олимпу — все. И он мне — все. Куда уж прибыльнее!

В общем, в те лихие годы не отдали мы свой Олимп коммерции. Всем тренерским составом при крепкой поддержке родителей наших учеников удержали оборону. Спрашиваешь, сколько ныне тренер зарабатывает? Если я тебе доложу, что в среднем плаата за месяц пока находится у нас в пределах 10-15 тысяч рублей, то не думай, что в жизненной лотерее мы считаем себя обделенными. Наш выигрыш особый. И когда, случается, приходит к тебе чей-то папа, чья-то мама или чья-то бабушка и дарит сердечное спасибо за человечка, которого ты сделал личностью с крепким телом и духом, то как тут не записать это в свой прибыльный актив! Я — закоренелый оптимист, который совсем не случайно выпал живым из того обломного сорок первого года, и сегодня, верю, придет день, когда государство материально поддержит делателя красоты и здоровья, защитит Олимп от нынешнего кризисного урезания. По закону обратной связи, и державе нашей обязательно выйдет приращение в людском капитале.

ДОЛЖЕН УВАЖАТЬ СЕБЯ ЧЕЛОВЕК

«Прибытки с долгами двор обо двор живут», — говорили когда-то у нас, на Орловщине. Шуткую я иногда: вот, если, даст Бог, дожить до ста лет, то и выйду тогда на спокойный пенсион. А сейчас поспешать надо с отдачей долгов, чтоб не остаться внакладе. Планирую встретиться с нашим губернатором Алексеем Васильевичем Гордеевым. Неонастыжка знает он наш Олимп. Бывал у нас. Собираюсь предложить ему мой расклад, как важно сегодня возродить хорошую советскую традицию —

располагать на дворовых территориях простейшие спортплощадки. Почему же в той маленькой Швеции это возможно? А у нас что — пространства или культуры не хватает? Должен уважать себя человек. Уважать не только бережливостью своего здоровья, но и такой же уплатой другим.

Наседают на меня и такие мысли в бессонный час (в моем возрасте это не редкость): почему не в чести стала элементарная культура во всем, и, прежде всего, в человеческих отношениях. Крепко это меня тревожит. Вот, к примеру, оказался ты свидетелем, когда меня ощутимо зажали в переполненной маршрутке. Но тем гулякам с пивом на первых местах это было до лампочки. Благодарен я Вите Зайцеву, тому пареньку в очках, который не струхнул перед ними, потребовал уважения к моим годам. Откуда его знаю? Года три назад хотела записать его мама к нам, на Олимп. Но как я мог взять мальчишку в акробаты, если очки на носу не дают ему научиться прыжкам на батуте, перекатам, кувыркам, сальто и прочим нашим трюкам. Так я предложил Вите устроить у себя дома свой стадион. Вполне достаточно двух-трех квадратных метров свободной площади, перекладины в дверном проеме, массажной палки да обыкновенного мячика. Акробатом, конечно, не станешь. Но силенок, уверенности в себе нарастишь.

Еще посоветовал Вите гимнастику для глаз, которую предлагают медики. Между прочим, и меня такой тренинг сделал помоложе. Читаю, пишу теперь безо всяких окуляров. Директор нашего спортивного комплекса Николай Шевелев, мой ученик в прошлом, уговорил меня сдать их в наш олимпийский музей как своего рода экспонат. Пусть, мол, кто-нибудь тут призадумается, что нет ничего трудного для человека, если он укрепляет себя волей.

Представь себе, был у меня разговор на эту тему с теми крутыми хлопцами из маршрутки. Разыскали они все-таки наш Олимп. Я, как у нас заведено, с музея начал знакомить их с нашей акро-

батикой. А они — мне: зря, мол, Алексич, считают, что мы, сантехники, не знаем уважения. Давайте хряпнем для начала за дружбу и любовь, чтобы у нас в перспективе все шло и ехало путем. И выставляют на стол бутылку водки «Путинка». Я — им: «У нас в Олимпе не пьют и даже не курят. Со стаканом и сигаретой в зубах ты, хоть тресни, а уважения себе не прибавишь». И показываю моим сантехникам наш главный тренировочный зал со своей «спецтехникой» — с акробатическими перекатами, кувырками, переворотами, парными и групповыми стойками моих учеников-олимпийцев.

Ушли от меня сантехники молча. Не встречал их больше. Может, призадумались, а может, и нет...

ВЫСШАЯ ПЛАНКА

Говорят, без здравого вразумления невозможно ни правильно учить, ни успешно учиться. Но хватает ли нам сегодня таких примеров? Ну, возьми тот же телевизор, где Великую Отечественную войну частенько показывают как школу невзгодья, забывая преподавать самое главное — не отступает тот, кто владеет собой.

Заведено у нас, в Олимпе, приглашать людей бывальных, умудренных, у которых в труднейшие моменты жизни всегда находился выход из непроходимого окружения. Беседовала в свое время с моими олимпийцами сподвижница легендарного разведчика Николая Кузнецова, почетный член нашей областной ветеранской организации Валентина Константиновна Довгер. Приходилось этим разведчикам в глубоком тылу у немцев выделять, по нашим олимпийским меркам, такие «сальтомортале», что гитлеровский сыск в Западной Украине вынужден был доказывать о своих «недохватах» самому шефу авбера адмиралу Канарису.

Какая высшая сила помогает человеку владеть собой — и побеждать? Укрепил в этой истине моих олимпийцев наш земляк, многократный чемпион СССР в

бего на длинные дистанции Николай Иванович Свиридов. Когда в 1980 году на открытии Московской Олимпиады доверили воронежскому бегуну нести факел с Олимпийским огнем, то он, зайдя в нацеленные на него телекамеры, сам не зная почему, вдруг мысленно перенесся в свою родную деревеньку под Семилуками. Вот увидят его с факелом земляки по телевизору и, наверное, глазам своим не поверят — неужели это тот Николаша, который шоферил у них когда-то в колхозе и на которого теперь весь мир смотрит?

С таким настроем — подарить своим землякам праздник, прибавить чести земле Воронежской, стране — завоевал наш Николаша Кубок Европы, на диво отличился на Олимпийских играх в Мехико, Мюнхене, пробежав за всю свою спортивную карьеру расстояние в 90 тысяч километров. То есть дважды обогнул земной шар!

До последнего дня своей жизни учила моих ребяток держать честь и побеждать заслуженный мастер спорта СССР, 24-кратная чемпионка Советского Союза, чемпионка Европы и мира по велосипедному спорту Мария Дмитриевна Лукшина. Рассказывала она, как во время мирового чемпионата в Лондоне их, олимпийцев, пригласила к себе в Вестминстерский дворец сама королева Англии Елизавета II, как самолично изволила на званом обеде преподнести ей, Марусе, на золотом подносе торт «Наполеон».

Но не этот факт из жизни рекордсменки произвел на моих ребяток, сказать по правде, наибольшее впечатление. Им поначалу трудно было понять, как могла Мария Дмитриевна уже на другом чемпионате, в Бельгии, напрочь отказаться от «убойного» предложения сказочно осчастливить свою судьбу. Мол, будет у госпожи Лукшиной все. И солидный счет в банке, и особняк у моря, и даже, может быть, прием в королевском дворце, если пожелает она на правах подданной Бельгийского королевства преподносить ему свои велосипедные рекорды.

Само собой повернулся у нас тогда разговор к патриотизму. Не жонглируют этим понятием. Оно в душе как держатель высшей планки, которая достигается особым настроем сердца — победно встать на пьедестал под флагом своего Отечества. Но все-таки самое важное в жизни, считаю я, не взять приз, а проявить больше всего искусства — жить и действовать так, чтобы добром оплачивать Отечеству. Уважаем в народе тот, кто свое «я» соизмеряет с понятием «мы», у кого выгода для себя оборачивается выгодой и обществу.

Кто сегодня в наше рыночное время ходит в героях у российских ребяток? Какую кнопку нажать в Интернете, какой найти телеканал, чтобы сыскать им добрый пример, у кого поучиться? У долларового миллионера, который нередко по части приращения капитала пережил самолет Остапа Бендера? У владельца рыцарского замка или какой-нибудь аховой яхты, что поменял Россию на другую, более комфортную для него страну? У продвинутого артиста, который славен не только крутыми ролями, но и запредельным числом своих свадеб и разводов? Нет, братцы, других героев очень ждет сегодня молодая Россия!

Но патриотизм — это не значит только одна любовь к Родине. Это гораздо больше. По христианской заповеди, это и любовь к ближнему, и подмога слабому. Нужно, чтоб у нас о ком-то болело сердце!

ГДЕ «ГУЛЯЙ-ДЕНЬ», ТАМ И ХИЛОТА

В народе говорят: «Когда сила молчит, то слабость кричит». Но это никак не относится к нашему Олимпу. Кого мы причисляем сегодня к категории слабых? Прежде всего, тех пацанов, которых по хилости здоровья не взяли на службу в армию. Где ж они его, милые, растратили? Зачастую не до здорового образа жизни было таким отчисленным. «Гуляй-день» был у них в кайфе. Ну зачем бегать, плавать, накачивать мыш-

цы, коли можно «ударить по депресняку «пузырем», сигаретой, ноутбуковскими сражалками? Еще наркотики пошли в атаку... Шанс дожить при таком натиске искусствителей хотя бы до тридцати лет выпадает на трех ребят из десяти.

Разговор на эту тему продолжился у нас после того, как я проводил в последний путь мою Файну Федоровну. Езжу вот на кладбище проводывать ее. Лет десять назад ее могилка у тополя крайней была. А теперь вон сколько молодого народа к ней подселилось...

Говорят, смерть так же естественна, как и жизнь. Но можем ли мы считать приход «старухи с косой» само собой разумеющимся, если человек только начал жить? Да, на той войне смерть и жизнь были на равных, не обходились друг без друга. Но ведь сейчас — не война!

Так что, где у ребяток «гуляй-день», там и хилота. Слабый верит в везенье, в обстоятельства, а сильный, конечно же, — в свои силы добиться нужного результата. Ребятки в нашем Олимпе продвинутые. Не ради похвалы сбрасывают иногда в Интернет информацию о своих спортивных успехах. И, между прочим, совет по-своему дают, кому интересно. Мол, если хочешь чем-то дельным сверкнуть, сделаться в чем-то конкурентоспособным, значит, провентилируй свой «чердак», то есть голову, откинь расслабуху и с марафоном по жизни вперед — к четко намеченной цели. Сила — по силе. Осилишь!

Докладывают мне ребятки: положительными иногда бывают отзывы на такую олимпийскую динамику действий по обратной электронной связи.

ЛЮБОВЬ — НЕ СЛЕПА

В юные годы чаще всего беззащитной бывает любовь. Исповедуются мне иногда мои ребятки. Мол, разлюбил или разлюбила. Так стоит ли после размолвки и дальше поддерживать олимпийскую дружбу? Дружба, говорю, должна быть куда более терпимой, чем любовь. Где один — за всех и все — за одного, там и ума побольше и горе — вполгоря. Сто-

ит ли считать себя несчастными в любви, которая прекратилась, но, скорее всего, и не начиналась? Случайная, так сказать, свободная любовь может обйтись без взаимности, но уж настоящая дружба — никогда. Со случайной, спонтанной любви и семья частенько — до случая.

И тут приходится иногда напоминать мне олимпийцам, что, по данным демографической статистики, на десять брачных союзов у нас в стране приходится чуть ли не половина разводов, и что никак не получается пока в теперешней России хорошо смотреть за детками.

У нас первое место в мире по числу курящих подростков и третье — по числу сирот, даже при живых родителях.

Четверть века назад наказал всем нам долго жить наш прежний великий Советский Союз. И все это время ищем национальную идею, за какую линию дальше держаться нашему народу. А эту идею искать не надо. Она сама во все наши двери стучится — давайте產生 здоровое поколение! Не должно быть в новой России потерянных ребятишек. Детству следует оказывать величайшее уважение.

И вернейшее государственное отмеченье тут — от семьи, общества в миниатюре. Будет эта ячейка целее, крепче — больше будет ладу и во всей России.

Наш Олимп — тоже для меня семья. В этой крепости, поверь, никак не способно мне сходить с дистанции. Есть у спортсменов такая заповедь — кто сходит с дистанции, никогда не победит. А тот, кто побеждает, никогда не сходит. Вот и держусь я, как тогда, на войне при выходе из окружения, отбиваюсь от насыдающих годков. А кредит молодости беру у своих начинающих акробатов, который велю себе отплатить тем же. Теперь, понятно, не кувыркнусь лихо, не сделаю на руках круглую стойку. Но за высоту планки нашего Олимпа постоять могу.

Приходится мне кроме тренерских обязанностей исполнять и то, что не прописано в инструкции. Посаженным

вот отцом являюсь. Сосватал на своем тренерском веку более тридцати олимпийских пар. Ведь постоянство в любви должно быть и постоянством долга чести. Еще никто не оспорил смысла этих слов, которые я вкладываю в напутствие молодым в главном стартовом зале нашего спортивного дворца. Нет, любовь не слепа! Скрепляется она семейным согласием, ребятишками, которые, вижу, хотят походить на своих пап и мам с верой их в себя, в свои силы.

ДРАТЬСЯ ЗА КАПИТАЛ

Долгом чести, считаю я, должен быть у России свой Олимп, своя стартовая точка отсчета. Только подумать — семьдесят лет прошло после той, нашей Великой Победы! Но нет у нас пока видной победы в делах воспроизводства много-миллионных людских потерь. Очень медленно затягивается демографическая рана...

Все больше толкуем мы в наше рыночное время о бюджетах, о том, чтобы взять хорошую прибыль. А вот о том, как поскорее залечить эту демографическую рану, ускорить темпы роста населения, про эту наипервойшую прибыль у нас как бы мимоходом, вскользь.

Народ у нас — главный, первонаучальный капитал. В сбережении, при-

ращении этого капитала — и сила наша, и скрепа. На том и держится народ. И есть то пространство, где ему можно вовсю развернуться. Сколько земли у нас, сколько других богатств! Будем сильнее, крепче — и поубавится охочих прибрать ее, эту Россию, к своим рукам. В моем родном селе Русский Брод, на Орловщине, выражали эту истину на свой лад: семья в куче — не страшна и туча!

Скажу тебе напоследок — дано всем нам предназначение и дальше оборонять отвоеванную нашей державой жизнь. Так что сам Господь Бог повелел моему Олимпу умеючи драться своим резервом за этот капитал первосущный.

* * *

Слушал я Евгения Алексеевича Анцупова, моего давнего друга-товарища, телеведущего в прошлом, Народного тренера России в настоящем, бойца из старейшего солдатского поколения, дивясь его зоркой, стойкой памяти. Несмотря на свои 95, смотрелся он, на диво, гвардейски. Светились, сияли на его загорелом лице каким-то удивительным молодым блеском светло-карие глаза. И сам он был полон такой энергии, настолько легок в движении, что, казалось, крепко ошиблись своим прицелом наседающие годы.